

Русская паремиологическая картина мира с позиции носителя китайской лингвокультуры

Актуальность настоящего исследования обусловлена возрастающей потребностью в успешной межкультурной кооперации между представителями китайской и русской культур. В силу объективных экстралингвистических факторов между Китаем и Россией происходит интенсивный взаимообмен знаниями. Усиливается поток китайских студентов в Россию; в процессе обучения они заинтересованы не столько в том, чтобы усвоить функционирование русской языковой системы, сколько в том, чтобы понять «русский мир». Этот процесс может быть затруднен в силу несовпадения исходной и постигаемой культур. Для преодоления этого барьера необходимо сформировать такое знание, которое будет востребовано и понятно культурному аутсайдеру; следовательно, возникает потребность в исследовании объяснительного характера. Цель настоящей работы — исследование концептуального комплекса «жизнь — смерть», реализованного в русской языковой картине мира, с позиции носителя китайского языкового сознания. Проанализированы те этапы аккультурации, которые преодолевает представитель иной лингвокультуры в процессе освоения новой для него концептуальной действительности. Важно учитывать, что языковая личность, сформировавшаяся в контексте исходной культуры, действует по принципу “Omnia mea mecum porto”: «своя культура» становится для нее точкой отсчета в гносеологическом процессе, тем фоном, на котором разворачивается актуализация новых смыслов. В работе использованы следующие методы исследования: дескриптивный метод, концептуальный анализ, метод лингвокультурологического комментирования, контекстуальный анализ, корпусный метод, анкетирование.

Ключевые слова: лингвокультурология, китайская языковая картина мира, русская языковая картина мира, концепт «жизнь — смерть», паремиологическая база.

The relevance of this study is due to the growing need for successful intercultural cooperation between representatives of Chinese and Russian cultures. Due to objective extra-linguistic factors, there is an intensive exchange of knowledge between China and Russia. The flow of Chinese students to Russia is increasing; in the learning process, they are interested not so much in learning the functioning of the Russian language system, but in understanding the “Russian world”. This process can be hampered by the discrepancy between the original and the perceived cultures. To overcome this barrier, it is necessary to form such knowledge that will be in demand and understandable to a cultural outsider, therefore, there is a need for an explanatory study. The purpose of this work is to study the conceptual complex “Life — Death”, implemented in the Russian linguistic picture of the world, from the position of a bearer of Chinese linguistic consciousness. We are trying to analyze those stages of acculturation that a representative of a different linguistic culture overcomes in the process of mastering a new conceptual reality for him. It is important to take into account that a linguistic personality, formed in the context of the original culture, acts according to the principle of Omnia mea mecum porto: “one’s own culture” becomes for him a starting point in the epistemological process, the background against which the actualization of new meanings unfolds. Research methods: descriptive method, conceptual analysis, linguo-cultural commenting method, contextual analysis, corpus method, questioning.

Keywords: linguoculturology, Chinese linguistic picture of the world, Russian linguistic picture of the world, concept “Life — Death”, paremiological base.

Введение

У лингвокультурологии на сегодняшний день немало сторонников и противников. Последние отказывают ей в статусе науки, настаивая, что разработанные в ее рамках эпистемы неverified. Можно ли установить связь между языком и мышлением, доказать взаимную корреляцию этих феноменов, обосновать (как это делает А. Вежбицкая), что в самом грамматическом строе языка, его синтаксисе и этноспецифической лексике заложен уникальный *modus vivendi* того или иного народа?

Однако разработки новейшего времени дают нам убедительные ответы на поставленные вопросы. Так, лингвист Г. Дойчер пишет:

Реальное воздействие родного языка формирует привычки, которые развиваются посредством частого использования определенных способов выражения. Понятия, с которыми мы обучены обходиться как с разными, информация, которую наш родной язык вынуждает нас передавать, детали, к которым он требует от нас внима-

ния, и повторяющиеся ассоциации, на которые он нас наводит, — все эти речевые привычки могут переходить в привычки мышления, что значит гораздо больше, чем знание языка как таковое [1. С. 295].

О языке как «духе народа» писал еще В. фон Гумбольдт; этот тезис стал для современной лингвистики аксиоматическим. Большое значение для подкрепления научного базиса лингвокультурологии имеют изыскания Г.Д. Гачева, который пишет о национальных образах мира, порожденных культурами разного типа: ургийной и гонийной. В первом случае это культуры, созданные целенаправленными действиями коллектива по освоению пространства; во втором — культуры «стихийные», порожденные теми климатическими и географическими особенностями, которые диктуют сообществу способы вживания в окружающий мир [2]. По мнению ученого, каждая культура несет в себе Психею — уникальную душу, самобытность которой заложена самой природой бытования этноспецифического коллектива.

О том, что «Психея» как дух народа незримо присутствует в языке, свидетельствуют огромные корпусы текстов: это и паремиологические фонды языков, и язык художественной литературы, и узуальный дискурс, внутри которого циркулируют одни и те же языковые элементы, ежедневно отбираемые носителями языка в речевой практике. На материале обширного лексического фонда языка становится возможным реконструировать базисные концепты культуры: они отличаются рекуррентностью, ретранслируемостью, тесно связаны с архетипическими первоосновами культуры. Под архетипами мы подразумеваем воспроизводимые из поколения в поколения паттерны коллективного бессознательного, обладающие универсальным содержательным ядром и этноспецифической ближней и дальней перифериями. К таким базисным концептам относим и дихотомию «жизнь — смерть». В строгом смысле это концепт-гипероним: его гипонимические корреляты очень многообразны и выходят далеко за пределы дериватологических цепочек. Так, концепт «жизнь — смерть» может быть реконструирован (хотя и под знаком астериска) из широкого культурологического контекста, где однокоренные репрезентанты его вербального воплощения вовсе не будут представлены.

В процессе погружения в инокультурное пространство с позиции аутсайдера, т.е. человека, чья языковая личность сформировалась на базе другой языковой и культурной действительности, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью адаптировать имеющийся у нас когнитивный фонд к реалиям другой лингвокультуры, обладающей собственной спецификой. Языковая личность (модель которой разработана Ю.Н. Карауловым) [3] представляет собой взаимодействие трех уровней, каждый из которых определенным образом аккумулирует, структурирует и транслирует знания человека о мире: вербально-семантического, концептуального и собственно прагматического. Каждый из этих уровней формируется в процессе социализации индивидуума и детерминирован той лингвистической и культурной средой, которая является для личности коммуникативным контекстом ее бытования. Следовательно, ее изначальный индивидуальный тезаурус, идиоконцептосфера и базовый прагматикон так или иначе обусловлены языковой картиной мира, свойственной определенной лингвокультуре.

Языковая картина мира (ЯКМ) — это запечатленное в системе языка видение всего сущего, где видение, как справедливо подчеркивает О.А. Корнилов, включает в себя три понятия: логическое осмысление, чувствование и оценивание [4. С. 140]. Национальных языковых картин в мире существует столько же, сколько и языков. Каждая из них является продуктом многовековой коллективной работы этнического сознания над осмыслением и категоризацией бытия и связана со многими экстралингвистическими факторами, в том числе способами вживания этноязыкового коллектива в окружающий мир, его природно-климатический контекст.

В процессе освоения реальной действительности этнос вырабатывает определенные представления о мире, аксиологические ориентиры, уникальную телеологию, предписания и запреты, эталоны и сценарии поведения, в том числе коммуникативного.

Вербализованные в ЯКМ знания о мире становятся своего рода «навигационной картой» этноса, которая входит в когнитивную базу коллектива естественно и воспринимается как правильная, органичная система координат, которой целесообразно руководствоваться в дискурсивном пространстве. Однако для истинного понимания специфики собственной лингвокультуры нередко необходима позиция «внеаходимости» (по М.М. Бахтину), наличие дистанцирования от своего путем его осмысления через другое. Вот почему в современной науке о языке компаративный метод в изучении различных ЯКМ видится наиболее продуктивным.

Изучение другого языка (в нашем случае русского) предполагает не только освоение его системно-структурных особенностей, но и вовлечение языковой личности в новое культурное пространство, а иногда и формирование вторичной языковой личности.

Материалом настоящего исследования является паремиология, и выбор этот обусловлен тем, что именно паремии кумулируют культурно-исторический опыт народа, постепенно формирующий особое семантическое поле, которое в процессе языковой трансмиссии квалифицируется носителями языка как «народная мудрость».

Результаты исследования и их обсуждение

Языковые картины мира, как уже было отмечено, очень многообразны. ЯКМ — это определенным образом структурированная модель мира, подчиненная своей логике, которая соответствует определенному миропониманию, и детерминированная историко-национальной, социальной и жанровой спецификой «овнешнения» в текстах. Тексты, воплощающие ЯКМ, имеют доминантную характеристику. Воспроизведенные в них события позволяют нам получить представление о знаниях, которые лингвокультура накопила за время своего существования. Не случайно понятие ЯКМ коррелирует с «культурной памятью»: слово помнит все то существенное, что реализовано в языковых отношениях, поэтому именно существенные элементы картины мира перманентно ретранслируются.

Паремии наиболее репрезентативно отражают аспекты человеческого бытия, которые связаны с осмыслением законов общества, ценностных категорий жизни, смерти, судьбы и многих других. Они образно и лаконично отражают комплексы культурных кодов, связанных с феноменологией человеческого жизненного опыта. Их семантический потенциал — концентрат языковых знаков особой природы: синкретичных, семантически связанных. В отличие от свободных синтаксических конструкций, паремии включаются в контекст в качестве вставочных элементов (интекстов), апеллируя к эмпирическому фонду этноса. Пословицы выражают базовые ценности культуры, нередко поясняя природу одного явления путем сопоставления его с другим.

Закономерно полагать, что пословичный фонд — это фрагмент ЯКМ, транслирующий базовые культурные ценности: в контексте паремий они переосмысливаются в соответствии с исторической эмпирикой нации. Примечательно, что социокультурное значение паремий заключается в их нравоучительности, которая превышает собственно информативность.

Анализ паремиологического корпуса русского языка позволяет получить важную информацию о таких аспектах человеческого существования, как: смысл жизни; ключевые события жизни; счастье, несчастье, судьба, отношение к жизненным невзгодам и пути их преодоления; нормы поведения и скрипты (предписания).

Знание, кристаллизованное в пословицах и поговорках, не требует доказательств: оно аксиоматично. В нем отражено отношение народа к жизни, выработанное на протяжении многих веков.

При вхождении индивида в инокультурное пространство он неизбежно сталкивается с лакунами разного уровня — лексическими и концептуальными. Лакуны (*лат.* «пустошь», «брешь», «провал») — лингвокультурный феномен, который исследователи описывают следующим образом: это то, что реципиент заметил в инокультурном тексте, но не смог понять и интерпретировать [5. С. 35]. И.Ю. Марковина и Ю.А. Сорокин определяют лакуны как белые пятна на семантической

карте языка. Как отмечает З.К. Сабитова, признаками лакун выступают непонятность, экзотичность, незнакомость (чуждость), неточность [6. С. 124].

Неудивительно, что китайские студенты, приступающие к изучению и освоению русской ЯКМ, имеют дело с повышенной лакунарностью языковых единиц. Единственный адекватный способ их элиминирования — составление краткого герменевтического комментария, способного заполнить пробелы в системе соответствий исконного и изучаемого языков.

Рассмотрим пословицы и поговорки русского языка с позиции носителя китайского языкового сознания¹.

Жить вертко, помирать терпко. В первую очередь следует пояснить лексемы «вертко» и «терпко». Первая из них связана с глаголом «вертеться» — совершать ловкие, изворотливые движения. Жизнь, согласно данной паремиологической единице (ПЕ), — это определенное умение, требующее маневренности и существенных усилий. В процессе «верчения» затрачиваются определенные силы. Это требует физических затрат, а потому сопряжено с трудностями. На контекстуальном уровне мы могли бы сказать, что жить «тяжело». «Терпко» в прямом значении — «кисло». Это вкус, вызывающий оскмину; в переносном значении — «тягостно», «горько». Как бы ни была трудна жизнь, смерть оказывается еще труднее. Для носителя китайской ЯКМ это в определенном смысле концептуальная лакуна: как было установлено ранее, в китайской ЯКМ смерть достойнее и предпочтительнее трудной, отягощенной страданиями жизни.

Живешь — воз прешь; помрешь — на горбу унесешь. «Переть» значит прилагать значительные усилия в процессе передвижения объекта в пространстве. В данном случае это воз (отглагольный субстантив от «возить»). Как правило, воз в хозяйстве «перемещали» тягловые животные, например лошади. Для китайской культуры понимание лошади как тягловой силы не совсем привычно: ее почитают как олицетворение энергий Неба и Земли, и связана лошадь в первую очередь с перемещением человека, с военными победами и дальними путешествиями. Лошадь в китайской культуре — символ гордости и свободы; актуализация этого образа в значении «хозяйственное животное» не кодифицирована. В русской культуре, напротив, лошадь такой же труженик, как и человек.

Жить плохо, да ведь и умереть не находка. В китайской лингвокультуре не принято говорить о тяготах жизни прямо; свою судьбу человек должен нести достойно и смиренно. В русской ЯКМ прямая характеристика возможна. Особого комментария требует слово «находка». «Находка» в данном случае семантически сближается не с тем, что можно «найти», но с «удачей», «счастливым случаем», «обретением», т.е. с тем, чем смерть не является. Следовательно, несмотря на трудности жизни, смерть не является «счастливым исходом». Об этом свидетельствуют и пословицы: *Жить горько (скучно), да и умереть не сладко (не потешно); Жить грустно, а умирать тошно; Как жить ни тошно, а умирают тошней.* Связующим признаком смерти (умирания) становится тошнота — тягостное ощущение в верхнем отделе живота, предощущение физиологического извержения. Тошнота связана с такой сильной эмоцией, как страх. На физиологическом уровне она возникает от переизбытка, в том числе переизбытка чувств. В китайской ЯКМ нет настолько рекуррентного употребления лексемы «тошнота», что позволяет нам сделать вывод о ее специфичности для русского языка.

Смерть, какмышь, голову отъест. В данной ПЕ представлена зооморфная реализация смерти. В традиционной культуре славянских народов слово «мышь» — «небольшой грызун, обычно серого цвета, с острой мордочкой и длинным голым хвостом, приносящий вред в хозяйстве» — устойчиво ассоциируется с комплексом негативных представлений, которые обусловлены хтонической и демонической природой этого животного, а также его ритуальной «нечистотой» и «вредоносностью» [7. С. 250]. Несмотря на то что китайцы воспринимают мышь отчасти негативно (так, о посредственном человеке говорят: «Сер, какмышь»), в целом этот образ содержит и положительные коннотации: домовитость, способность производить потомство (подмеченная в свадебных обрядах),

¹ [https://ru.wikisource.org/wiki/Пословицы_русского_народа_\(Даль\)/_Наука#:~:text=Без%20муки%20нет%20и%20науки,берет%2C%20да%20не%20всяк%20доучивает.](https://ru.wikisource.org/wiki/Пословицы_русского_народа_(Даль)/_Наука#:~:text=Без%20муки%20нет%20и%20науки,берет%2C%20да%20не%20всяк%20доучивает.)

богатство и накопление. «Китайская» мышь не могла бы стать активным репрезентантом смерти: в отличие от русской лингвокультуры, в китайской мышь лишена демонических черт и ассоциируется с символикой смерти очень слабо.

Лучше век терпеть, чем вдруг умереть. Трудная жизнь в воззрениях русского народа лучше скоростпостижной смерти. Как уже отмечалось, для китайской лингвокультуры этот сценарий нетипичен: достойная смерть оценивается выше посредственной жизни. Русскому человеку «мила» и тяжелая жизнь: это крест, возложенный на него Богом, а значит, его нужно нести до конца.

Тяжко на свете жить. Тяжел крест, да надо несть. Эта поговорка концептуально сближена с причитанием — одним из элементов русской «культуры плача».

Поскольку Бог — тот, кто реализует свою волю по отношению к человеку, его принято просить о счастливой судьбе: *Дал бы бог здоровья, а дней много впереди.* В китайской культуре высшей силой выступает Небо.

Иногда семантика ПЕ в отношении жизни оказывается обратной причитанию: *Живи, да не тужи!* Это предписание близко китайской лингвокультуре, в которой не принято жаловаться на жизнь.

Специфические для китайского языкового сознания лексемы находим в структуре ПЕ *Жили сажень, а доживать пядень.* Слово «сажень» означает меру длины, связанную с соматическими характеристиками человека. Это расстояние от кончиков пальцев одной руки до кончиков пальцев другой; руки при этом расставлены в стороны. Пядень — промежуток от мизинца до большого пальца. Таким образом, выражение означает «Жили долго, а доживать остается мало». Жизнь сравнивается с отрезком, т.е. это измеримая величина. В суровых условиях прошлого жизнь была скоротечна. Об этом свидетельствует поговорка *Сорок лет — прости, мой век!*

В связи с быстротечностью жизни к смерти нужно быть готовым в любой момент: *Живи на двое: и до веку, и до вечера; Смерть берет распахом.* Слово «распах» связано с диалектным словом «полóх» — испуг, также «полóх» — тревога.

О том, что смерть чужда человеку, говорит поговорка *Смерть не свой брат — разговаривать не станешь.*

Лингвокультурного комментария требует ПЕ *Никому не ведом час Страшного Суда:* она связана с христианской парадигмой и предполагает, что человека после смерти будут судить на высшем суде, по итогу которого его душа будет определена либо в лучший мир, либо ниспослана на вечные муки. Для китайцев классическое европейское представление о рае и аде нетипично.

К смерти нужно готовиться заранее: *На небо крыл нет, а в землю путь близок.* Это значит, что попасть в рай нелегко, а в ад — прямая дорога.

Если рассматривать структуру концепта как модель, ядром ее будет лексема, выступающая доминантой номинации, — «жизнь» и «смерть» соответственно. Так, ядром концептуального пространства жизни является «жизнь как форма бытия», «жизнь как срок».

Рассмотрим отдельные характеристики концепта на материале поговорок русского языка.

Жив человек — смерти боится. Смерть не за горами, а за плечами. Проблема осмысления жизни — в осознании ее конечности (концептуальная характеристика «жизнь как срок»). При этом, несмотря на непреложную ценность жизни, она сопряжена с трудностями и страданиями, из которых смерть помогает выйти: *Жить страшнее, чем умирать.*

Человеческая жизнь коррелирует с понятием времени; жизнь — это отпущенный человеку срок, к которому нужно относиться вдумчиво: *Всякое семя знает свое время; Деньги пропали — наживешь, время пропало — не вернешь; Живешь — не оглянешься, умрешь — не спохватишься.* Жизнь, таким образом, скоротечна, и бесцельно тратить свое время недопустимо. Бесцельная жизнь неприемлема и для китайского народа; в этом отношении мироощущения двух этносов концептуально сближены.

Несмотря на то что жизнь связана с трудностями и тяготами, ее всегда можно изменить к лучшему: *Ничто не кончено для того, кто жив.*

Живуч, как кошка. Актуализирован признак живучести, готовности бороться за жизнь вопреки обстоятельствам и условиям (болезням, невзгодам). Неконвенциональное значение — жизнь как ценность (выводимая из имплицатуры информация — выжить вопреки всему, следовательно, приложить усилия для сохранения жизни).

Живой думает о живом. В данном выражении объективировано два концептуальных смысла (выраженных одной лексемой): «живой» в значении «человек живущий»; «о живом» — о насущном, имеющем значение для продолжения жизни.

Жили люди до нас, будут жить и после нас. В данной ПЕ жизнь представлена признаком конечности, с одной стороны, и социально-биологической воспроизводимости — с другой: с окончанием жизни одного человека (или поколения) не наступает окончание жизни всего общества. Жизнь продолжается в следующих поколениях. В этом суть коллективного, надындивидуального мироощущения русского народа. Китайский народ тоже характеризуется как коллективное общество: жить — значит сохранить себя в памяти последующих поколений.

И воробей не живет без людей. Еще одна важная ПЕ, актуализирующая идею жизни, не изолированной от общественного существования. Жизнь имеет ценность лишь в том случае, если она «вплетается» в жизнеположение народа.

Примечательно, что в русских ПЕ содержатся наставления, как лучше прожить жизнь. Это еще раз подтверждает наблюдение исследователей, что пословицы и поговорки представляют собой спрессованный опыт поколений, ретранслируемый в диахронии.

Живи просто — доживешь до ста лет. Как видим, в данной обобщенно-личной синтаксической конструкции содержится совет, из которого эксплицируются базовые ценности жизни: простота и долголетие. Простота — одна из важных черт русского национального характера. По наблюдениям В.В. Колесова, жизнь человека должна протекать «неприметно»; жаловаться на нее не принято, однако и удачу (связанную с концептом «счастье») открыто демонстрировать не рекомендуется: это может спровоцировать ситуацию сравнения своей жизни с жизнями других и стать импульсом к возникновению негативных чувств и эмоций со стороны «менее удачливых» членов ближайшего окружения. Следовательно, жизнь человека должна быть в определенном смысле «стандартизированной», узуальна, и в этом случае человек получает возможность прожить ее долго без вмешательства внешних сил, как социальных, так и «высших». Для конфуцианской культуры китайцев характерно смирение перед той социальной ролью, которая определена человеку изначально. Отсюда такие черты, как зависть, посягательство на чужую судьбу, крайне нетипичны. Следовательно, «жить тихо» не предписание в китайской лингвокультуре.

Еще одна пословица, подтверждающая наши наблюдения: *Живи тихо — не увидишь лиха.* Особо прокомментировать хотелось бы сущностный компонент предиката второго предложения — «лихо». У него та же корневая основа, что и у слова «лишение» — контекстуального синонима таких слов, как «горе», «нужда», «беда», «несчастье». В верованиях древних славян образ лиха был персонифицирован: существовали поверья о Лихе Одноглазом (отметим здесь соматическую дефекитарность антропоморфного существа, связанную с идеей лишения). Лихо Одноглазое — «представитель» неконтролируемых сил судьбы, «тяжелой участи». Его представляли как великана с одним глазом (иногда как костлявую одноглазую женщину), который, становясь «спутником» человеческой жизни, вел ее к разрушениям и страданиям. Чтобы не привлечь к своей жизни внимания враждебных сил, требовалось вести себя неприметно, «тихо». Постепенно магические представления о лихе были вытеснены вполне прагматическими. На уровне синтаксической синонимии можно вывести следующий скрипт на базе данной пословицы: *Живи неприметно — не наживешь себе неприятностей.*

Еще одно важное предписание, необходимое к выполнению для достижения благой жизни, — обязанность трудиться: *Живи своим умом да своим горбом; Добро наживай, а худо изживай.* Первая пословица позволяет нам сделать несколько важных выводов: жизнь — это личная ответственность, ее развитие и итог зависят от «ума» самого человека; жить следует своим «горбом», который выступает здесь синонимом тяжелой работы. Не случайно глагол «горбатиться» в словаре А. Зализняка

объясняется как «работать с согнутой спиной». Вероятно, это значение восходит к сельскохозяйственному укладу жизни русского человека, которому приходилось «сгибаться» для произведения таких действий, как вспахивание, возделывание и сеяние. Труд как концептуальный коррелят достойной, счастливой жизни актуализирован и в пословице *Для кого труд — радость, для того жизнь — счастье*. Напротив, жизнь без дела оценивается крайне негативно: *Без дела жить — только небо коптить; Жив, да негоден*.

Ценностью русской ЯКМ является также совесть: *Говори по делу, живи по совести*.

Концептуальные параметры, включенные в ближнюю периферию «жизни», распределены по признакам, характеризующим жизнь как образ существования: *Какая жизнь, такие и песни; Каково живется, таково и спится*. Симптоматично, что в первой ПЕ актуализирована лексема «песня». Песни как полижанровый феномен действительно сопровождали жизнь человека на протяжении всего его существования и репрезентировали важнейшие события. Одни песни имеют строгую фиксацию в календарном времени и поются сообразно случаю, другие несут в себе обрядовое назначение, а некоторые призваны выразить определенное настроение и выступают «эмотивными» компонентами дискурса.

В культуре славян песни отражали ключевые в жизни общества события, вмещали в себя отношение к миру, передавали эмоциональное состояние человека, обладали магической (заклинательной) функцией. Так, календарные песни, связанные с праздниками и обрядами (например, песни жатвенной страды, песни встречи весны, песни-гадания), были частью активного взаимодействия человека с миром.

Песни пелись и по «частным поводам»: на рождение и крещение ребенка, колыбельные, игровые, величальные, рекрутские, поминальные и др. Они сопровождали ключевые события в жизни человека, и в этом усматривается прямая корреляция между лексемами «жизнь» и «песня» в составе анализируемой пословицы. Существовали песни «будней» и песни праздников, лирические и эпические песни, трудовые и потешные. Как видим, каков был жизненный этап человека и его окружения, такими были и песни. В китайской культуре песни также имели большое значение. «Народная песня как форма искусства теснейшим образом связана с историей страны. В различные эпохи народная песня отражает все перипетии развития государства, уровень его культуры. Отзывчивость и чуткость народной песни к переменам в общественно-политическом устройстве доказываются появлением в разные времена соответствующих историко-культурной ситуации тем, образов, жанров и кристаллизации отличительных стилистических особенностей китайского музыкального фольклора» [8].

Во второй пословице акцентирована лексема «сон»: с одной стороны, она связана с мотивом труда (спится хорошо после трудной работы), с другой — с мотивом совести (спокойный сон характерен лишь для человека со спокойным сердцем).

Некоторые пословицы, входящие в корпусную репрезентацию концепта «жизнь», связаны с категорией темпоральности.

Не живем, а дни провожаем. Жизнь имеет определенную протяженность во времени. Более того, она количественно измерима (дни сменяют друг друга, но по отношению к уходящему времени человек как бы «зафиксирован» в пространстве, и время проходит «сквозь» него. О феномене «сквозного времени» писал еще В.В. Колесов).

Век жить, век ждать. Показательно, что в данной ПЕ репрезентирована идея ожидания. С одной стороны, она связана с ожиданием будущего, с другой — с ожиданием именно *лучшего будущего, счастливого случая, счастливой доли*. Таким образом, жизнь в момент настоящего имплицитно связана с трудностями, она «тяжела». О том, что русский человек воспринимает жизнь как тяжелую «долю», свидетельствуют пословицы: *Живется ни в сито, ни в решето; Жизнь прожить — не поле перейти*.

Однако тяготы жизни можно преодолеть, если человек обладает материальными благами: *О чем тому тужить, кому есть чем жить*. Тем не менее не всякое благосостояние ценится

в русской культуре. Положительные коннотации связаны с концептом «труд»: *Даровой рубль дешев, нажитой дорог; Деньги — дело наживное.*

Для китайской лингвокультуры концепт «труд» имеет особую ценность. Именно труд обеспечивает человеку достойную жизнь: *劳动致富* («трудолюбие приносит богатство»).

Концепт «жизнь» связан с членением на определенные периоды, и в некоторых ПЕ заключена положительная семантика: *Не в гору живет, а под гору.* Первая половина жизни человека — «восхождение в гору» — связана с определенными трудностями и заботами, приложением существенных усилий для достижения цели. Во второй половине жизни человек «движется вниз с горы», т.е. живет значительно легче.

Еще один компонент концептуальной структуры «жизни» — целеполагание. Жизнь, как уже говорилось, должна иметь смысл, и базовая ценность русской ЯКМ — «добро»: *Жизнь дана на добрые дела; Жизнь измеряется не годами, а делами; Как проживешь, так и прослывешь* (признак «доброе имя»). Доброе имя — главная ценность и китайской лингвокультуры: именно оно остается в веках и является гарантом дальнейшей социальной жизни даже после смерти человека. Об этом китайская ПЕ *Тело и имя (слава), что из них ближе (дороже)?*

Смерть неразрывно связана с жизнью. Она неминуема, беспристрастна и не всегда оценивается негативно. На концептуальном уровне смерть есть «прекращение жизни», «итог жизни», «высшая форма существования».

Люди мрут — нам дорогу трут. В данной пословице эксплицировано значение «смена поколений» (отметим, что она семантически сблизена с ПЕ *Жили люди до нас, будут жить и после нас*). Таким образом, ушедшие «освобождают место» живущим, и в этом заключен определенный миропорядок.

Двум смертям не бывать, а одной не миновать; Один раз мать родила, один раз и умирать. Концептуальные параметры данных ПЕ — неминуемость смерти, ее обязательность для каждого человека. О том, что смерти нельзя избежать, свидетельствуют и такие пословицы, как *От смерти не спрячешься; Бойся, не бойся, а смерть у порога; Не ты смерти ищешь — она сторожит.* В данных ПЕ смерть представлена как антропоморфное существо, неизбежный спутник человеческой жизни. Ее характеристики показательны: она неподкупна и приходит в свой черед: *От смерти не откупишься; От всего выльчимся, кроме смерти; Придет время — все лягут в могилу.*

Еще один параметр концепта «смерть» — ее внезапность: *Смерть берет распахом; Собрался жить, взял да и помер; Сегодня жив, а завтра жил; Сегодня венчался, а завтра скончался.*

Среди положительных коннотаций смерти следует выделить семы «избавление», «отдых»: *Помрем — всё хорошо будет; Отдохнешь, когда издохнешь; Помрешь, так отдохнешь.* Смерть — избавление от трудностей и тягот жизни. В последней ПЕ ее значение связано с модусом будущего времени и восходит к представлениям о грядущей духовной жизни. Смерть как отдых — один из мотивов китайской лингвокультуры. Эти значения на уровне двух языковых систем пересекаются. *Жизнь лишь плавание по течению, смерть всего только отдых в пути,* — гласит ода «Птица смерти» древнекитайского поэта и мыслителя Цзя И.

Конечность жизни и окончательность смерти представлена ПЕ *Умрешь — ничего с собою не возьмешь.*

Паремии, в которых жизнь и смерть представлены как диада, как правило, построены на принципах сравнения (*Кто жить не умел, того и умирать не выучишь; Жил собакой, околел псом; Как живем, так и умираем; Эта жизнь хуже смерти*) и противопоставления (*Жить грустно, а умирать тошно; Не на живот рождаемся, а на смерть; Живи не тужи: помрешь — не заплачешь; Жить горько, да и умереть не сладко; Как жить ни тошно, а умирать тошней; Жить — мучиться, а умереть — не хочется*).

Жизнь дана человеку на «добрые дела». Однако в русской паремиологической ЯКМ сложилось представление о том, что человек грешен; следовательно, чем больше времени ему отпущено, тем больше он рискует согрешить: *Больше жить — больше грешить; Меньше жить — меньше грешить; Умрешь, так меньше врешь; Не грешит, кто гниет (кто в земле лежит).*

Следует отметить, что отношение к греху в русской и китайской лингвокультурах различно. Китайская ментальность не зависит от христианского понимания греха как «ошибки», «промаха»,

«преступления» перед высшими силами (Богом). Грех, согласно даосским представлениям, есть нарушение гармонии, которого не прощает Дао. Буддистское понимание греховности связано с идеей кармы, которую надлежит очищать от всего ненужного, чтобы приобщиться к Божественному в следующей жизни. Концепт «грех» как совокупность чувств, действий, ситуаций в китайской лингвокультуре отсутствует [9. С. 169].

О том, что смерть беспристрастна и выбирает тех, чей срок настал, говорят пословицы: *Пришла смерть по бабу — не указывай на деда; От смерти и под камнем не укроешься.*

Никто из живущих не знает, когда наступит его черед. Непредсказуемость смерти выработала в русской культуре предписание готовиться к ней заранее: *Избу крой, песни пой, а шесть досок паси.* Первые две синтаксические конструкции в составе сложного синтаксического целого напрямую связаны с концептом «жизнь»: *избу крой* в значении «возводи себе жилище», т.е. место для жизни; *песни пой* (пение в русской ЯКМ связано не только с жизненными событиями, но и с самой человеческой душой, ср.: *душа поет*). *Шесть досок паси* означает заранее запасай древесину, чтобы сколотить *последний дом* — гроб. Не случайно в пословице задействована символика числа шесть, актуализирующая наивные представления об inferнальном, потустороннем, «дьявольском». Таким образом, в пословице объективирован и дом как вместительное жилище жизни, и последний дом тела — гроб.

Концептуально сближенная пословица *Дом строй, а домовину ладь* реализует те же значения, что и в предыдущем примере.

Несмотря на то что жизнь, вопреки всем трудностям, воспринимается в русской ЯКМ как высокая ценность, некоторые пословицы сообщают дополнительные позитивные коннотации и концепту «смерть»: *Лучше смерть, нежели зол живот; Чем с плачем жить, так лучше с песнями умереть.*

Такое мироощущение особенно близко носителю китайского языкового сознания, для которого достойная смерть лучше тягостной жизни. О том, что смерть, как и жизнь, есть однонаправленный путь (дорога), мы уже говорили; пословицы, которые акцентируют данную семантику, дефинируют смерть как дорогу, не называя ее прямо: *На тот свет отовсюду одна дорога.*

Смерть в русском миропонимании может быть трудной и исполненной страданий, поэтому внезапная смерть квалифицируется как благо: *Легче всех нечаянная смерть; Нежданная смерть — находка.*

Смерть не есть конец жизни: *Земной быт — не всему конец; Смерть — душе простор; Тебе, телу, во земле лежать, а мне, душе, на ответ идти; Что припасла душа, то и на тот свет понесла.*

Таким образом, человеческая суть прежде всего душа, которая, в отличие от тела, бессмертна.

Поскольку смерть реализуется через семантику неожиданности, русская культура накопила множество «примет»: в пословичном фонде содержатся единицы с предсказательным компонентом (прогностическая функция языка): *Сколько раз чихнешь в именины свои, столько лет проживешь; Сколько раз кукушка натошак кого окукует, столько лет жить; У кого крошки изо рта валяются, тот скоро умрет; Коли ноги теплы у покойника, то зовет за собою.*

А.Н. Афанасьев в своей книге «Живая вода и вещее слово» делит приметы на две группы: «приметы, выведенные из действительных наблюдений», и суеверные приметы, «в основании которых лежит не опыт, а мифическое представление» [10. С. 63–65]. В данном случае приметы комбинируют наблюдательную и суеверную семантику. Приметы распространены и в китайской лингвокультуре, однако приведенные примеры для китайской ЯКМ лакунарны.

Иногда ПЕ может быть представлена в виде загадки, например:

Сидит утка на плоту, хвалится казаку: никто меня не пройдет, ни царь, ни царица, ни красна девица. Ответом на представленную загадку является слово «смерть». Примечательно, что в данном случае она зооморфна (утка). Утка в архаической культуре славян — птица-медиатор, связывает Явь и Навь, т.к. сама является прародительницей обоих этих миров. Это птица рода, чередования поколений, жизни и смерти, а потому она может выступать психопомпом души в иной мир. В этом смысле смерть не конечна: обойти ее нельзя, но и за нею продолжается бытие в новом для человека качестве.

Как видим, концепты «жизнь» и «смерть» в русской лингвокультуре являются наиболее рекуррентными, следовательно, базисными категориями. Их параметры и оценки варьируются. Во многом это зависит от времени возникновения пословицы (языческий дискурс более оптимистичен, религиозен, более провиденциален). Некоторые ПЕ, как показало исследование, концептуально понятны носителю китайского языкового сознания, Другие требуют уточнения и комментирования.

Заключение

Национальный характер этноса рождается в его тесном взаимодействии с природно-климатическим контекстом существования. Приспосабливая свою жизнь под естественные ритмы жизни природы, коллектив вырабатывает не только определенные представления о мире, но и собственную жизненную стратегию: нормы и предписания, табу, приметы, эталоны (поведенческие и собственно коммуникативные).

Жизнь в условиях резко континентального климата, широкое материковое пространство, исторические факторы дали импульс к возникновению таких черт русского национального характера, как общность (коллективность), широта души, стремление разделить свою жизнь с другими, милосердие, доброта, склонность к размышлениям, провиденциализм, стихийность в чередовании активности и пассивности.

Земледельческий тип культуры повлиял на самоосмысление народа как «работающего крестьянства». Феномен двоеверия, в рамках которого развивались представления русского человека о жизни и смерти, сказался на этическом кодексе человека.

Семиотизируясь в культурном контексте, категории «жизнь» и «смерть», представляющие собой базисные концепты общечеловеческой эмпирики, обрели диалектическое единство, выходящее за рамки биологических параметров. В русской ЯКМ жизнь и смерть тесно переплетены с идеей бессмертия, вечности, бытия. Эти семантические компоненты коррелируют с концептами «душа», «судьба», «счастье», «свобода». Жизнь и смерть — антиномическая пара, развивающая тему бытия и вечности.

Языческие представления древности были вытеснены христианскими концепциями, транспортированными в русскую лингвокультуру в виде устойчивых паттернов. Смерть стала восприниматься носителями русского языкового сознания как исход, точка перехода в высший мир. Духовная победа над смертью кристаллизована в концепте «смысл жизни».

Жизнь — это путь, над которым властвует судьба; очищая свою душу через жизненные страдания, человек может приобщиться к вечности и счастью. Свой удел надлежит принимать смиренно. Определенная пассивность субъекта иногда сменяется активными действиями, готовностью взять ответственность за свою жизнь на себя. Наградой за предпринятые усилия становится счастье.

«Смерть» — самая квантитативно значимая реакция на стимул «жизнь», что свидетельствует об относительно равновесном функционировании концептов в русской ЯКМ. В отличие от жизни смерть нередко не номинируется прямо — она замалчивается, табуируется; это говорит о том, что ее восприятие скорее негативно, чем положительно (хотя корпус ПЕ дает порой полярные характеристики данного концепта).

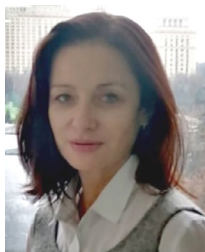
Анализ ПЕ, содержащих ядерные лексемы «жизнь» и «смерть», позволил прийти к похожему выводу: данные концепты функционируют в единстве. С позиции носителя китайского языкового сознания многие ПЕ лакунарны, т.е. содержат компоненты, которые можно квалифицировать как семантически «пустые» для представителя другой культуры. Для устранения (элиминирования) лакун — лексических и концептуальных — мы снабдили ПЕ кратким лингвокультурологическим комментарием и попытались установить, в чем разнятся и чем схожи значения рассмотренных пословичных концептов.

Литература

1. Дойчер Г. Сквозь зеркало языка. М.: АСТ, 2016.
2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: ЛКИ, 2010.
4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: КДУ, 2011.
5. Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст: введение в лакунологию. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010.
6. Сабитова З.К. Лингвокультурология. М.: Флинта, 2013.
7. Коваль В.И. Символика мыши в славянской и китайской лингвокультурах. DOI 10.22363/2313-2299-2020-11-2-250-264 // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 250–264.
8. Чан Лиин. Народная песня как феномен китайской культуры: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2007.
9. Молодых В.И., Леонтьева Т.И. О концепте «грех» в китайской лингвокультуре // Вестник ВГУЭС. 2018. № 2. С. 167–177.
10. Афанасьев А.Н. Живая вода и вешее слово. М.: Советская Россия, 1988. 512 с.

References

1. Deutscher G. Skvoz' zerkalo iazyka. Moscow: AST, 2016.
2. Gachev G.D. Natsional'nye obrazy mira. Moscow: Sovetskii pisatel', 1988.
3. Karaulov Yu.N. Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'. Izd. 7-e. Moscow: LKI, 2010.
4. Kornilov O.A. Iazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov. Moscow: KDU, 2011.
5. Markovina I.Yu., Sorokin Yu.A. Kul'tura i tekst: vvedenie v lakunologiiu. Moscow: GEOTAR-Media, 2010.
6. Sabitova Z.K. Lingvokul'turologiia. Moscow: Flinta, 2013.
7. Koval' V.I. Simvolika myshi v slavianskoi i kitaiskoi lingvokul'turakh. DOI 10.22363/2313-2299-2020-11-2-250-264 // Vestnik RUDN. Serii: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika. 2020. T. 11. No. 2. S. 250–264.
8. Chan Liin. Narodnaia pesnia kak fenomen kitaiskoi kul'tury: dis. ... kand. iskusstvovedeniia. St. Petersburg, 2007.
9. Molodykh V.I., Leon't'eva T.I. O kontsepte "grekh" v kitaiskoi lingvokul'ture // Vestnik VGUES. 2018. No. 2. S. 167–177.
10. Afanasyev A.N. Zhivaia voda i veshchee slovo. Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1988. 512 s.

Полякова Елена Викторовна,
кандидат филологических наук,
доцент
кафедры русского языка и методики
его преподавания
Российский университет дружбы
народов

Polyakova Elena V.,
Candidate of Philology, Associate
Professor of the Russian Language
and Methods of its Teaching
Department
Peoples' Friendship University
of Russia

e-mail: lelya2008-72@mail.ru

Люй Сыци,
аспирант кафедры русского языка
и методики его преподавания
Российский университет дружбы
народов

Lü Siqi,
PhD student of the Russian
Language and
Methods of its Teaching Department
Peoples' Friendship University of
Russia

e-mail: lvsiqi@mail.ru

